

Лейкин Николай Александрович

Теплые ребята

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Теплые ребята / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Требованию,
2025. – 322 с.

ISBN 978-5-519-92931-8

ISBN 978-5-519-92931-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	стр.
I. Наше обстоятельное купечество.	
1. Журъ-фиксный вечеръ	1
2. Въ засѣданіи вексельнаго комитета	20
3. Въ дѣтскомъ пріютѣ	34
II. Изъ эпохи городскихъ выборовъ.	
1. Избирательскій списокъ	50
2. Подборъ голосовъ	55
3. Въ гласныя думы мѣтить	59
4. Довѣренность	64
5. Нѣмецъ передъ выборами	69
6. Городскіе избиратели	73
7. Подходъ	77
8. Передъ городскими выборами	82
9. На городскихъ выборахъ	86
10. Третій разрядъ пошелъ	91
11. Кандидатъ	95
12. Повихнулся	100
13. Въ день радоницы	104
14. Великій шарокатъ	109
15. Передъ послѣднимъ боемъ	113
16. Послѣдній бой	118
III. Гипнотизмъ въ Петербургѣ.	
1. Ганзенъ	124
2. Модная забава	128
3. Опыты магнетизма	134
4. Пропажу ищутъ	138
5. Послѣ барышей	143
IV. Повсюду.	
1. Дебютантъ	147
2. Сосудъ пореполенный	151
3. Новая вѣра	156
4. Въ пользу голодающихъ	160
5. Шпага	164
6. Сватовство	168
7. Пять именинницъ	173
8. Заговоръ отъ солдатчины	177
9. Смотръ и опѣнка	181
10. Нашла-таки	186

	стр.
11. Настрѣлялъ	190
12. Иванъ да Марья	194
13. Поставщикъ	198
14. Гувернантка	203
15. Лакей	208
16. Кухарка	212
17. Няньки	217
18. Помолиться ѣдутъ	222
19. Награды	226
20. Настоящая и подложная	231
21. Подоврительныя вещи	236
22. У лотерейныхъ колесъ	240
23. На мосту	244
24. На новое мѣсто	249
25. Около мороженой провизіи	254
26. Умственная пища	258
27. По порошокъ	262
28. Сюрпризъ	266
29. Коммерція и адвокатура	270
30. Еще хлѣбъ вздорожалъ	275
31. Передъ исповѣдью	279
32. Лучше подальше	284
33. Пѣвецъ	288
34. Великій постъ	293
35. Въ дни говѣнья	297
36. Чтобы выигралъ	302
37. Вербная толкотня	306
38. Пасхальное гостѣбище	311

НАШЕ ОБСТОЯТЕЛЬНОЕ КУПЕЧЕСТВО.

Г. „Журъ-фиксный вечеръ“.

ПОТОМСТВЕННЫЙ почетный гражданинъ, первой гильдіи купецъ и кавалеръ Семень Тарасовичъ Волкодавовъ, какъ онъ подписывается, ждетъ къ себѣ гостей на «журъ-фиксный вечеръ». Зимнее воскресенье. Часы показываютъ восемь. Нарядно убранныя комнаты освѣщены лампами. Въ столовой молодой лакей во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ и пожилая горничная гремятъ посудой, доставая ее изъ дубоваго буфета. Самъ Семень Тарасовичъ, коренастый, средняго роста мужчина въ темносѣромъ пиджакѣ, въ петлицѣ котораго красуется орденская бутоньерка, медленными шагами ходитъ по ковру гостинной, стараясь ступать все въ одну и ту же точку рисунка. Вотъ онъ остановился противъ зеркала, вынулъ изъ кармана гребеночку, расчесалъ свою подстриженную, съ просѣдью бороду, прикрылъ сбившеюся прядью волосъ лысину на темени и вперилъ свой взоръ на фарфоровое японское блюдо, стоящее на подзеркальничѣ и переполненное визитными карточками. Сверху лежала карточка какого-то Кузьмы Протасѣича Можжевелова. Онъ взялъ ее, сунулъ подъ низъ, порылся, отыскалъ карточки графа Петра Андреевича Лонина и барона Карла Леопольдовича Штерншильда и положилъ ихъ сверху.

Черезъ гостинную прошла, шурша треномъ шелковаго платья, старшая дочка Волкодавова, курносенькая дѣвушка лѣтъ во-

семнадцати, сѣла въ зало за рояль и принялась играть какую-то пьесу.

— Опять?! воскликнулъ, скорчивъ гримасу отецъ. — Настенька, да брось ты эту панихиду! Ну что все одно и одно. Заладила сорока Якова, да и зоветъ имъ всякаго. Неужто нельзя на другую музыку перемѣнить? Давеча послѣ обѣда мнѣ спать не дала и теперь снова терзаешь.

— Панихиду! Ахъ, какъ это хорошо! откликнулась дѣвушка, переставая играть. — Салонную музыку и вдругъ панихидой называете! А еще хотите, чтобы надъ вами не смѣялись и считали васъ за образованнаго человѣка! То заставляете меня играть на фортепьянахъ русскія пѣсни по нотамъ, написаннымъ для трубы и увѣряете, что это все равно, то Рубинштейнъ у васъ панихида.

— Однако и салонную музыку можно другого калибра заиграть, а то ты со вчерашняго дня зудишь все одно и то же.

— Вы очень хорошо знаете, что я przygotowляюсь къ вечеру, дѣлаю себѣ репетицію. Вѣдь этотъ морсодесалонъ я буду играть сегодня при гостяхъ. Пріятно вамъ будетъ, ежели скажутъ...

— Ну-ну, пошла, поѣхала! замахалъ руками отецъ.

— Да какже, ежели вы преграду къ образованію дѣлаете! А еще толкуете о цивилизаціи.

Въ это время въ прихожей раздался звонокъ.

— Пожалуйста уймись: кто-то идетъ. Можетъ быть совсѣмъ посторонній.

— Сами же вы хотите срамиться.

— Довольно.

Въ залу вошелъ рослый и тучный старикъ въ черномъ сюртукѣ. Это былъ купецъ-домовладѣлецъ, занимающійся дисконтомъ векселей, человѣкъ очень популярный въ Петербургѣ. Когда-то фруктовщикъ, но давно уже покончившій съ фруктовой торговлей. Онъ составилъ себѣ крупное состояніе, скупая за пустяки векселя разоряющихся баръ, дѣлался ихъ единственнымъ кредиторомъ, увеличивалъ сумму векселей путемъ переписки ихъ на новые сроки съ прибавкой громадныхъ процентовъ, тянулъ, уловивъ счастливый моментъ, припиралъ должника и завладѣвалъ за безцѣнокъ его недвижимымъ имуществомъ. Купецъ-дисконтеръ назывался Мутиковымъ. Движенія его были мягки, голосъ нѣженъ, въ разговоръ онъ любилъ встав-

лять иностранныя слова и зачастую употреблялъ ихъ вовсе не кстати.

— Никого и ничего и я первый гость! возгласилъ Мутиковъ, входя въ залу и отирая платкомъ свою совѣмъ бѣлую бородку.—Здравствуйте, сударыня Настасья Семеновна, раскланялся онъ съ дочкой Волкодавова, сидящей за роялемъ.—Гляжу на васъ и дивлюсь, какъ вы съ каждымъ днемъ хорошѣете все болѣе и болѣе. Вѣдь черезъ годъ вы насъ совѣмъ ослѣпите своей красотой.

Волкодавовъ вышелъ ему на встрѣчу изъ гостинной и, подавая руку, сказалъ:

— Павлу Трофимовичу почтеніе! А что-же безъ супруги?

— Раскисла и осталась на домашней окупаціи. Бѣдили мы съ нею сегодня въ Новодѣвичій монастырь къ обѣдни пѣніе слушать, такъ должно быть попродаulo ее маленько. Да кислота-то пожалуй еще бы и ничего, а тутъ къ обѣду пришли родственники да нѣкоторые и по сейчасъ остались.

— Жаль, жаль. Родственникамъ-бы и сказать можно: «ѣдемъ молъ въ гости», да и шабашъ!

— Ну все-таки не совѣмъ ловкая реквизиція. Народъ обидчивый. Не хорошо, что и я-то ушелъ, сказалъ Мутиковъ и замѣтилъ: Поздненько однако у тебя гости-то собираются. А я спѣшилъ, чтобъ преферансовую партію съ хорошими людьми не опустить.

— Сегодня преферансъ у насъ не скоро. Вонъ дѣти задумали у меня музыкально-литературный вечеръ устроить, такъ спервоначала литературу и пѣніе съ музыкой послушаемъ.

— Вотъ какъ! Чтожъ, это дѣло хорошее. Литература литературой, а преферансъ преферансомъ. Только ужъ и пишутъ-же нынче!.. никакого огражденія честной личности. Одна грязная мараль и больше ничего. Нешто это литература?

— Внимать не слѣдуетъ, отвѣчалъ хозяинъ.—Пускай что угодно пишутъ, а ты не внимай. Грязное къ чистому не пристанетъ.

— Однако же вѣдь другіе эту самую критику на уважаемое лицо читаютъ и думаютъ, что все это правда, что пропечатано, возразилъ Мутиковъ. Нѣтъ, прежде этого не было. А тутъ какая-то новая модель пошла: хлещи направо и налево и управы на тебя нѣтъ. Прежде не такъ купцовъ выставляли. Вонъ пьеса

«Купецъ Иголкинъ». Тамъ благородство купеческихъ чувствъ выставлено. А по теперешнему, коли купецъ, то непременно подлецъ или воръ. А между тѣмъ купцы первые патриоты своего отечества, первые жертвователи. Приюты, богадѣльни да храмы Божіе только ими и держутся.

— Что правда, то правда. Только вѣдь у меня этихъ самыхъ писателей не будетъ, что критику на купцовъ пишутъ, а просто хотѣлъ учитель Иванъ Ивановичъ что-то прочесть по части литературы, да кой кого привести съ собой обѣщаль. Этотъ неблагонадежнаго писателя не приведетъ. Ты вѣдь знаешь Ивана Ивановича: онъ совсѣмъ купеческій человѣкъ.

Хозяинъ повелъ Мутикова въ гостинную. Вскорѣ явился еще гость: длинный какъ хлысть, бѣлокурый молодой человѣкъ во фракѣ.

— Здравствуйте, сказалъ онъ заикаясь.—А я привезъ къ вамъ скрипача. Ученикъ Мауэра, хорошій молодой человѣкъ. Въ посту онъ дастъ концертъ въ Пѣвческой капеллѣ. Магнатииковъ, подите сюда! вызвалъ онъ его изъ зала и представилъ хозяину.

— Очень пріятно, мы всегда рады, привѣтствовалъ хозяинъ. На скрипкѣ изволите играть?

— Да на скрипкѣ, отвѣчалъ Магнатииковъ, черненькій, какъ жукъ человѣкъ и началъ ерошить себѣ волосы.

— Инструментъ-то скучный. Всю душу вытянетъ. Когда въ оркестрѣ играютъ, то хорошо, а ежели въ одиночку, то труба или эта самая віолончель много лучше, замѣтилъ хозяинъ.

— Это зависитъ отъ того, кто какъ играетъ. Артистъ скрипкой можетъ чудеса дѣлать, похвастался скрипачъ.

Далѣе разговора не нашлось. Хлыстообразный молодой человѣкъ надѣлъ на носъ золотое пенснэ и началъ разсматривать картины на стѣнахъ. Его примѣру послѣдовалъ и скрипачъ.

— Бѣлобрысенькій-то этотъ не писатель? тихо спросилъ хозяина Мутиковъ.

— Нѣтъ. Онъ учитель по части фортепіанной игры. Теперь онъ Настенькѣ фортепіанное руководство дѣлаетъ. Да неужели ты его нигдѣ не встрѣчалъ? Онъ у многихъ купцовъ бываетъ, Парменовъ его зовутъ.

— Это у васъ Сверчковъ? задалъ вопросъ Парменовъ, раз-

сматривавшій картину.—Первый разъ этихъ котовъ у васъ вижу.

— Нѣтъ, надо полагать не Сверчковъ, а только всѣ говорятъ, что картина хорошая. Мнѣ ее его превосходительство графъ Лонинъ за сто рублей навязалъ. Купи да купи для поддержки молодого художника. Отказаться было не ловко.. Я съ нимъ вмѣстѣ въ пріютѣ служу,—ну и отдалъ деньги.

— Я самъ нынче двѣ хорошія картины за долгъ взялъ, произнесъ Мутиковъ. Одна какъ бы на сюжетъ Прекрасной Елены написана, только передъ ней арапская дѣвушка съ бубномъ, а другая картина—два пьяные тирольца.

Появился еще гость—гладко-бритый, лысый маленькій купецъ съ чиновничьей фizioноміей. Сзади его слѣдовала жена, молодая, красивая женщина, пестро одѣтая.

— А, Петръ Семенычъ! Отлично, отлично, что съ супругой пожаловали! воскликнулъ хозяинъ. Я ужъ, сударыня, и то не нялъ ему, что онъ все одинъ да одинъ у насъ бываетъ, обратился онъ къ дамѣ.—Ты, я говорю, вѣрно къ молодымъ людямъ ее ревнуешь, потому и держишь на заперти, какъ въ оперѣ Черноморъ Людмилу. Мы его такъ Черноморомъ и назвали.

— Вотъ ужъ вовсе на Черномора не похожъ. У того борода была въ три аршина, а у меня и одного волосочка ногтями не ущипнешь. И тутъ гладко, и тутъ... пропищалъ мужъ, ударивъ себя по подбородку и по головѣ и началъ здороваться съ гостями.

— Не въ волосахъ дѣло! Знаемъ мы васъ, чайниковъ! Вы чайные торговцы нарочно брѣте и бороду и голову, чтобъ съ китайцами сходствіе... и сказать, что настоящий китайскій чай продаете. Ты вотъ не стыдишься голой головы, а чайный торговецъ Ералашниковъ, какъ стыдится, то волосяной огородъ у себя на головѣ скосилъ да парикомъ и прикрылъ черепъ-то.

— Шутникъ! опять пропищалъ чайный торговецъ и слегка тронулъ хозяина за бока.—А гдѣ же хозяйка-то?

— Да все еще пудрится. Съ которыхъ поръ одѣвается. Мы, признаться, послѣ обѣда-то сонными куплетами позаниались, да ужъ давно встали. Пелагея Ивановна!

— Сейчасъ, сейчасъ! послышался голосъ и изъ дальнихъ комнатъ выплыла разряженная, полная и рыхлая женщина

лѣтъ сорока слишкомъ, дѣйствительно сильно напудренная и даже подведенная.—Извините, что позамѣшкѣлась. Портнихинъ грѣхъ случился. Стала надѣвать платье, а лифъ и лопнулъ, говорила она, здороваясь съ гостями, съ дамою чмокнулась въ губы и сѣла съ ней на диванъ.

Къ нимъ подошли Парменовъ и Магнатиковъ. Чайный торговецъ сталъ коситься на жену. Онъ дѣйствительно былъ ревнивъ. Это не уклонилось отъ взора хозяина.

— Видишь, Павелъ Трофимычъ, какъ чайникъ глазенапытъ въ женину сторону засылаетъ. А еще говорить, что онъ не ревнивъ. Черноморъ! сказалъ онъ Мутикову.

— Я, глазенапы?... И не думалъ. Напротивъ, у меня для жены полное откровеніе, такъ какъ я увѣренъ, что она хотя и молодая, а такъ себя солидарно держитъ, что никакихъ глупостей не надѣлаетъ.

Гости съѣзжались и скоро собралось человѣкъ тридцать. Приѣхалъ съ Калашниковой пристани купецъ Раструбинъ, высокій, мощный старикъ съ посѣдѣлой бородой. Онъ былъ въ широкомъ, бѣломъ галстухѣ, въ сюртукѣ ниже колѣнъ, но брюки носилъ на выпускъ. На бортѣ сюртука красовался чуть не цѣлый десятокъ маленькихъ такъ называемыхъ «будничныхъ» медалекъ, вздѣтыхъ на золотую булавку. Онъ былъ вдовъ и явился съ новоженемъ-сыномъ и его молоденькой женой, совсѣмъ красавицей. Пришелъ приходскій протопопъ въ наперстномъ крестѣ въ орденахъ.

— Я слышалъ, что у тебя сегодня газетчики свои сочиненія будутъ читать? спросилъ Раструбинъ хозяина.

— Нѣтъ, не газетчики, а учитель Иванъ Ивановичъ Никодимовъ, вотъ что сына моего въ коммерческое училище готовить, такъ онъ хотѣлъ кой какую литературу устроить.

— То-то. А ужъ я думалъ, что сочинителей поназвалъ. Съ этимъ народомъ нужно ухо востро держать, а то какъ разъ въ газету влетишь.

— Ну полно, есть между ними и хорошіе, сказалъ хозяинъ.

— Всѣ они хорошіе, а подальше отъ нихъ, такъ лучше. Съ сочинителемъ говорить говори, а камень за пазухой держи.

— Знаете что, Игнатій Савельичъ? обратился къ Раструбину Мутиковъ.—Я такъ полагаю, что это они больше съ голоду

свою печатную словесность на бумагах разводять. Писать не о чемъ, другимъ способомъ заняться не умѣютъ, а пить-ѣсть надо, вотъ они и давай разный механизмъ на обстоятельныхъ людей сочинять, чтобъ помраченіе ихъ личности сдѣлать. А ежели ихъ прикормить, то они лучше всякаго.

— А кто поручится, что онъ на вѣки тебя оставитъ? Пока кормишь его, онъ и хорошъ будетъ, а пересталъ—сейчасъ же и потопить. Нельзя же весь свой вѣкъ дойную корову для сочинителей изъ себя изображать.

— Да васъ развѣ трогали когда въ газетахъ? спросилъ чайникъ Мутикова.

— Говорятъ, что трогали, но я пасквилей не читаю.

Хозяинъ прошелся по комнатамъ, вернулся и сказалъ:

— Только Никодимова съ сочинителемъ и нѣтъ, а то бы можно начинать музыкальную литературу. И гдѣ, спрашивается, до сихъ поръ мотается? Отбарабанилъ бы что слѣдуетъ, а мы выслушали бы да и засѣли за зеленое поле винтить. А то только задерживаетъ.

— Вы говорите—мотается, а можетъ быть и дѣла дѣлаетъ? Вѣдь онъ даромъ что учитель и пансіонъ держитъ, а окромя того и купецъ. У него свѣчная лавка, переплетная мастерская, да справочныя книжки онъ издаетъ, сказалъ кто то.

— Знаю, знаю. Въ войну онъ даже въ маркитантское дѣло къ кому-то въ компанію ввязался, но вмѣсто барышей-то ему бокъ нагрѣли.

— Ну вотъ и разгадка. Стало быть завтра у него платежъ по векселю и онъ денегъ ищетъ.

По залу ходили дѣвицы, взявши другъ друга подъ руки. Около ихъ мотался статскій молодой человекъ въ прическѣ à la Капуль и гремѣлъ шпорами юный уланскій юнкеръ.

— Значитъ черезъ годъ вы опять къ вашему папашѣ въ лавку — и будете мѣхами торговать? спрашивали юнкера дѣвицы.

— Ну, нѣтъ! Ужъ это атанде. Кто кавалерійскаго духу понюхалъ, тому лавка претить, отвѣчалъ онъ.—Отецъ только и толкуетъ объ этомъ, но я ему носъ-то утру. Я хочу офицеромъ быть. Буду держать экзаменъ. Мнѣ не трудно. Я въ Петропавловской школѣ учился.

— А ежели онъ тебѣ хвостъ пришилить, такъ по неволѣ придется за прилавокъ встать, сказалъ статскій.

— То есть какъ это пришилить?

— Очень просто. Ты выйдешь въ офицеры и останешься въ полку, а отецъ тебѣ денегъ перестанетъ давать. На офицерское-то жалованье не много напляшешь! Портретныхъ-то бумажекъ очень жидко въ мѣсяцъ полагается отъ казны офицеру.

— Долговъ тогда надѣлаю. Плевать, пускай платить! Не бросить же онъ свое дѣтище на растерзаніе ростовщикамъ.

— Нарочно бросить, чтобъ тебя за долги изъ службы по шеямъ спровадили. Да и ростовщики, братъ, нынче тоже не очень-то расщедрятся, какъ долговое-то закрыто. Вонъ Мутиковъ-то ужъ поджалъ хвостъ и не больно-то свирѣпствуетъ. Хорошо, что раньше два дома успѣлъ награть.

— Послушай, ты говорить говори, да не заговаривайся, остановилъ статскаго юнкеръ. Павелъ Трофимовичъ Мутиковъ Варварѣ Сергѣевнѣ родной дядя приходится, а ты его ростовщикомъ...

— Ахъ, pardon! Тысячу разъ pardon! началъ извиняться статскій молодой человѣкъ передъ одной изъ дѣвицъ, сконфузился, и чтобы замаять разговоръ, продолжалъ:—Все-таки, лиша тебя денежной милости, отецъ твой можетъ изъ тебя и дровъ и лучинъ нащепать.

— Не больно-то и нащепить! Я какъ выду въ офицеры, сейчасъ и женюсь на богатой купеческой дочкѣ.

— Такъ тогда сейчасъ за тебя и отдадутъ богатую! Дожидайся! Нѣтъ, братъ, теперь не прежняя пора и на офицеровъ у купцовъ курсъ упалъ. Вотъ ежели бы ты докторъ былъ или адвокатъ—дѣло другое... А у офицеровъ что впереди?

— Чины, ордена.

— Купецъ это теперь не цѣнить въ офицерѣ. Онъ знаетъ, что чины и ордена можно и ему самому, не служа нигдѣ, получить. Жертвуй побольше на пріюты и на богадѣльни, повѣсь колоколъ на колокольню, да позолоти иконостасъ, такъ на тебя и мундиръ шитый надѣнутъ и орденами всего обвѣсятъ. Вонъ фруктовщикъ Вѣринъ и въ бѣлыхъ штанахъ щеголяетъ и чего-чего у него на груди нѣтъ.